

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В. Васильев

Соборы 1547 и 1549 годов

Опубликовано:
Христианское чтение. 1889. № 1-2. С. 33-65.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Собо́ры 1547 и 1549 годовъ.

(Очеркъ изъ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ).

Соборы 1547 и 1549 годовъ, созванные митрополитомъ Макаріемъ для канонизаціи святыхъ, представляютъ явленіе, подобнаго которому мы не находимъ ни ранѣе ни послѣ и не только въ русской церкви, но и въ церквахъ востока и запада. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ неудивительно то обстоятельство, что, повидимому, внезапно возбуждается мысль собрать всеѣ памяти святыхъ, которымъ до сего времени „не было соборнаго пѣнія и уставити празднованіе имъ по прежеуложенному уставу св. отецъ“ ¹⁾. Не менѣе удивительно и то обстоятельство, что какъ скоро, повидимому, эта мысль возбуждается, точно такъ-же скоро и быстро она осуществляется. Въ какіе нибудь два—три года у насъ въ русской церкви канонизуется столько святыхъ, сколько не было канонизовано во всеѣ предшествующіе пять вѣковъ, протекшихъ со времени основанія нашей церкви до этихъ соборовъ. Какъ нова мысль, которая лежитъ въ основаніи этихъ соборовъ, такъ точно новъ и оригиналенъ и способъ осуществленія ея. Одною изъ отличительныхъ чертъ, характеризующихъ совершеніе канонизаціи до соборовъ 1547 и 1549 годовъ, былъ мѣстный характеръ ея. Святой обыкновенно прославлялся преимущественно только въ той мѣстности, гдѣ жилъ, подвизался и гдѣ хранились его мощи. Другою отличительною чертою канонизаціи того времени была невыработанность и приистекающая отсюда неясность и неопредѣленность правилъ совершенія ея въ нашей церкви и приложенія ихъ на практикѣ. Правда, встрѣча-

¹⁾ А. Э. I, № 213.

ются иногда указанія на приложеніе и примѣненіе къ практикѣ ея нѣсколькихъ правилъ, напр.: свидѣтельствованія чудесъ и мощей, провѣрки житій и канонровъ; но эти указанія такъ рѣдки и при томъ такъ часто неопредѣленны и неясны, что возводитъ ихъ въ общія правила совершенія тогда у насъ канонизаціи святыхъ мы не имѣемъ права. Между тѣмъ на Макарьевскихъ соборахъ мы не видимъ ничего подобнаго; напротивъ, съ перваго взгляда замѣчаемъ шагъ впередъ. Или формулируются и вводятся въ практику церкви новыя правила канонизаціи, которыя потомъ становятся у насъ постояннымъ руководствомъ при совершеніи ея; представляются новыя основанія и условія канонизаціи, при чемъ она принимаетъ характеръ общецерковный, а не мѣстный, какой преимущественно имѣла до этихъ соборовъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что макарьевскіе соборы по своему значенію составляютъ въ нашей церкви эпоху для канонизаціи нашихъ святыхъ, эпоху, со времени которой устанавливается болѣе правильный и постоянный способъ совершенія ея и начинается новый періодъ въ ея исторіи.

Не смотря, однако, на столь важное значеніе этихъ соборовъ въ дѣлѣ канонизаціи нашихъ святыхъ, имъ почему-то не посчастливилось въ нашей церковно-исторической наукѣ. Наши изслѣдователи-историки почему-то проходятъ мимо нихъ, ограничиваясь обыкновенно самыми общими замѣчаніями, а иногда и просто только однимъ констатированіемъ голаго историческаго факта. Даже люди, спеціально писавшіе о митрополитѣ Макаріѣ, бывшемъ душею этихъ соборовъ, и тѣ не считали нужнымъ много распространяться о нихъ, хотя и нужно было бы ожидать отъ нихъ болѣе или менѣе подробнаго изложенія исторіи этихъ соборовъ, такъ какъ послѣдніе составляютъ одну изъ видныхъ сторонъ церковной дѣятельности этого іерарха ¹⁾). Трудно подыскать основательныя причины такого научнаго равнодушія къ этимъ соборамъ, имѣвшимъ такое важное

¹⁾ Мы разумѣемъ здѣсь гг. Н. Лебедева и Заусницкаго. Изслѣдованіе перваго: «Макарій, митрополитъ всероссійскій», помѣщено въ Чт. Общ. люб. дух. просв., 1887 г., ч. 2, и 1878, ч. 1; а изслѣдованіе втораго подъ точно такимъ же заглавіемъ помѣщено въ журн. М. Н. Пр., т. 217 и 218.

значеніе для канонизаціи нашихъ святыхъ. Былъ ли причиною послѣдняго недостатокъ матеріала и данныхъ, дѣйствительно, въ очень незначительномъ, какъ увидимъ ниже, количествѣ сохранившихся, или просто отсутствіе всякаго интереса среди нашихъ изслѣдователей къ вопросу о канонизаціи вообще, — трудно рѣшить. Единственное, краткое, но имѣющее научный интересъ изслѣдованіе о занимающихъ насъ въ настоящее время соборахъ есть у В. О. Ключевского, въ его сочиненіи: „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ ¹⁾. Авторъ послѣдняго сочиненія, правда, такъ сказать, мимоходомъ касается этихъ соборовъ, именно на столько, на сколько они способствовали развитію и оживленію у насъ въ это время агіобіографіи, но, тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ высказать много интересныхъ замѣчаній объ этихъ соборахъ.

Приступая къ исторіи самыхъ соборовъ, мы, прежде всего, въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ о нихъ укажемъ цѣль, побужденія и идею, которая легла въ основаніе этихъ соборовъ; затѣмъ, постараемся рѣшить вопросъ о томъ, кому принадлежала инициатива ихъ; наконецъ, перейдемъ уже къ исторіи самыхъ соборовъ, сперва, конечно, внѣшней, а потомъ разсмотримъ какъ самый ходъ канонизаціи на этихъ соборахъ, такъ и значеніе ихъ для канонизаціи святыхъ въ послѣдующее время.

I.

Какъ цѣль, такъ и побужденія, послужившія поводомъ къ созванію соборовъ 1547 и 1549 годовъ, довольно ясно указываются самимъ митрополитомъ Макаріемъ и Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Такъ, первая довольно ясно намѣчена въ окружной грамотѣ митрополита Макарія, которую онъ разсылалъ послѣ этихъ соборовъ по церквамъ, въ слѣдующихъ словахъ: „мы же о Святѣмъ Дусѣ съ сынами своими, со архіепископы и епископы и со всѣми священными соборы, уставихомъ на тожь соборѣ праздновати по прежеуложенному уставу св. отецъ“ ²⁾ и проч. Такимъ образомъ,

¹⁾ Ключевскій, Житія, 221—242.

²⁾ А. Э. 1, № 213, 203.

ближайшею цѣлю этихъ соборовъ было совершеніе канонизаціи святыхъ.

Если же мы, далѣе, обратимъ вниманіе на совершеніе канонизаціи святыхъ до этихъ соборовъ и сравнимъ съ прежнимъ способомъ настоящій способъ совершенія ея, то нетрудно будетъ опредѣлить и тѣ побужденія, которыя послужили поводомъ къ созванію соборовъ 1547 и 1549 годовъ. До XVI вѣка всецерковная канонизація была болѣе чѣмъ рѣдкимъ явленіемъ; въ большинствѣ случаевъ намъ встрѣчается канонизація мѣстная, притомъ какъ та, такъ и другая являлась случайнымъ и единичнымъ актомъ. Теперь же канонизація приданъ собирательный характеръ, сдѣлана попытка ввести въ церковный календарь всѣхъ извѣстныхъ русскихъ чудотворцевъ и притомъ сдѣлать ихъ достояніемъ всей русской церкви; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія извѣстіе, что соборъ 1549 года „предалъ Божиимъ церквамъ“, для пѣвья и празднованія, всѣ собранныя и свидѣтельствованныя житія и каноны новымъ чудотворцамъ. повидному, не раздѣляя послѣднихъ на общихъ и мѣстныхъ, какъ это сдѣлалъ соборъ 1547 года; затѣмъ, церковное признаніе святаго становится дѣломъ общаго центрального собора русской церкви, а не епархіальной іерархіи ¹⁾; наконецъ, на этихъ соборахъ прилагаются новыя правила канонизаціи, которыя уже потомъ постоянно практикуются въ нашей церкви. Всѣ эти новыя черты канонизаціи святыхъ, появившіяся у насъ со времени только этихъ соборовъ, тѣмъ удивительнѣе, что ранѣе однѣ изъ нихъ совершенно не встрѣчаются намъ въ практикѣ нашей церкви, другія же, если и встрѣчаются, то только въ зачаточномъ состояніи. Поэтому невольно является вопросъ, какимъ же образомъ могла произойти у насъ такая рѣзкая переиѣна какъ въ формѣ совершенія канонизаціи, такъ и въ характерѣ ея? Очевидно, были какія нибудь особенныя обстоятельства и причины, которыя, служа побужденіями, и обусловливали собою эту переиѣну. Какія же это могли быть обстоятельства и причины? Прежде всего такимъ побужденіемъ къ переиѣнѣ формы

¹⁾ Ключев., 227.

и характера канонизаціи могли служить неясность и неопредѣленность правилъ и то отсутствіе контроля высшей центральной власти русской церкви, которое замѣчалось въ чествованіи святыхъ до этихъ соборовъ;— все это, естественно, могло возбуждать мысль о ненормальности такого положенія въ умахъ лучшихъ людей того времени и желаніе такъ или иначе выйти изъ него посредствомъ тѣхъ или другихъ мѣръ и средствъ. Что дѣйствительно такая мысль и такое желаніе могли имѣть мѣсто, это можно уже видѣть, съ одной стороны, изъ словъ Грознаго, который разумѣетъ именно это отсутствіе контроля высшей церковной власти, когда говоритъ, что „праздновати повсюду симъ великимъ свѣтильникомъ не узаконено бысть, но идѣже коегождо ихъ честныя раки со св. мощми бяху, ту и славими быша“ ¹⁾, а съ другой стороны, изъ того, что въ XVI вѣкѣ намъ уже не встрѣчается случаевъ установленія мѣстнаго празднованія святому мѣстнымъ епископомъ. Даже благословеніе праздновать преп. Пафнутію Боровскому въ его обители, данное въ 1531 году, исходитъ уже отъ митрополита „со всѣмъ священнымъ его соборомъ“. Точно также отъ митрополита же исходитъ повелѣніе ежегодно совершать память св. Іакова Боровицкаго, предписанное грамотой 1545 года митр. Макарія ²⁾, и св. Андрея, князя смоленскаго ³⁾. Затѣмъ, съ начала XVI вѣка мы встрѣчаемъ факты свидѣтельствованія мощей и чудесъ и притомъ въ такой формѣ, въ какой оно практиковалось у насъ послѣ макарьевскихъ соборовъ, факты, указаніе на которые въ практикѣ раннѣйшихъ временъ мы, не смотря на продолжительность періода, встрѣчаемъ только одинъ разъ,— это при открытіи мощей ярославскихъ чудотворцевъ, князя Θεодора и чадъ его: Давида и Константина. Да и то это указаніе констатируетъ собственно только самый фактъ свидѣльствованія, но ничего не говоритъ ни о формѣ, ни о способѣ совершенія послѣдняго. Укажемъ эти факты. Въ 1521 году колявинскій игу-

¹⁾ Ключев., Житія, прил. 4, 461.

²⁾ Рук. Тр. С. Л., № 654, л. 74.

³⁾ Рук. Тр. С. Л., № 696, 225—32.

менъ послалъ къ князю Георгію „како обрѣтоша тѣло блж. Макарія дѣло и тѣлню не причастно, отъ него многа и различна исцеленія бываху, послажъ имена всѣхъ исцѣлѣвшихъ на хартіи написавъ; князь же Георгій прочеть написанное возрадовася ¹⁾). Вслѣдствіе этого донесенія, послѣдній, какъ говорится въ одной сохранившейся, въ высшей степени любопытной запискѣ, имѣющей предметомъ своимъ біографію преподобнаго Макарія Колязинскаго, „лѣта 7032, марта во 2 день ныталъ Стрѣтевскыя старицы Ефросиніи Васильевой жена Кожина, о житіи преподобнаго Макарія чудотворца отъ каковыхъ родителей родися и каково было житіе его“ ²⁾ и проч. Въ 1544 году архіепископъ новгородскій Феодосій, по челобитью боровичскихъ обывателей, духовенства и мірянъ, послалъ въ Боровичи „игумена Онтонова монастыря Константина, да Соѣйскаго собора священника Василея, да Соѣйскаго дьякова Патрикѣя, смотряти мощей Іаковлихъ и о чудесѣхъ его испытати многими людьми и священники“. Освидѣтельствовавъ мощи Іакова, посланные „и про жизнь его опрашивали тѣхъ же мѣстамъ священникъ и старость и волостныхъ людей добрыхъ—сколько давно тутю лежить и есть ли на него тутю наметухи и знахари“. Ничего не узнавши объ этомъ, слѣдователи собрали показанія о совершавшихся у гроба Іакова чудесахъ и составили имъ опись, къ которой приложили руки всѣ духовныя лица, присутствовавшія при осмотрѣ мощей, и міряне, подтвердившіе своимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность происшедшихъ исцѣленій. Получивъ этотъ обыскъ, архіепископъ послалъ его митрополиту и т. д. ³⁾. Всѣ сейчасъ приведенные нами факты могутъ говорить намъ о сознаніи высшею властію необходимости болѣе строгаго отношенія къ канонизаціи святыхъ. Если же такая мысль разъ явилась, то нужны только благопріятныя обстоятельства для ея осуществленія и проведенія въ жизнь общества. И эти обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятно сложились къ половинѣ XVI-го вѣка.

Въ половинѣ XV вѣка самостоятельное политическое значеніе

¹⁾ Некрасовъ, Зарожденіе націон. литер., 46.

²⁾ Некрасовъ, 47.

³⁾ Рук. Тр. С. Л., № 654 л. 74—88.

Византіи окончилось, а вмѣстѣ съ нимъ упало и значеніе самой греческой церкви. Наоборотъ, для Россіи XV—XVI вѣка, бывшіе эпохою постепеннаго возвышенія и усиленія гражданской и церковной власти, ознаменовались подъемомъ собственнаго духа, сознаниемъ національной независимости и преобладающаго значенія Руси въ ряду другихъ православныхъ обществъ. Прежде, въ періодъ существованія греческой имперіи, послѣдняя считалась главною представительницею и защитницею всего православнаго міра. Теперь, съ паденіемъ Константинополя, она не могла, очевидно, играть такой уже роли. Къ кому же эта роль должна была перейти? Освобожденіе отъ монгольскаго ига, уничтоженіе удѣловъ и объединеніе Руси сдѣлали послѣднюю могущественною и сильною державою, вслѣдствіе чего національное самолюбіе русскихъ не замедлило перенести такую роль на самихъ себя. Теперь, по сознанию того времени, русская земля осталась единственною представительницею православія, а ея государь—единственнымъ его защитникомъ. Особенное развитіе эта идея получила именно въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Василія Ивановича, а Іоаннъ Грозный стремился уже осуществить ее въ своей дѣятельности, исполнить тѣ обязанности, которыя налагало на него новое положеніе его въ русскомъ государствѣ и церкви,—именно, стремился поставить въ уровень съ этимъ положеніемъ московское государство и московскую церковь. Въ царствованіе Василія Ивановича эта мысль ясно выражена была старцемъ исковскаго Елеазарова монастыря Филоооомъ: „Пресвѣтлѣйшему и высокостольнѣйшему государю... браздодержателю святыхъ Божіихъ престолъ святныя вселенскія и апостольскія церкви Пресвятныя Богородицы, честнаго и славнаго ея Ученія, иже вмѣсто Римскія и Константинопольскія просіявшу (ей). Церковь древняго Рима, говорится далѣе въ этомъ посланіи, пала, вслѣдствіе принятія аполлинаривой ереси. Двери церкви второго Рима—Константинополя града разсѣкли агаряне. Сія же соборная и апостольская церковь новаго Рима—державнаго твоего царства—своею христіанскою вѣрою, во всѣхъ концахъ вселенной, во всей поднебесной паче солнца свѣтитса. И да знаетъ твоя держава, благочестивый царь, что всѣ царства православной христіанской вѣры сошлись къ одному твоему царствѣ:

единъ ты во всей поднебесной христіанинъ царь“¹⁾). Эти воззрѣнія на роль новаго московскаго государства и его государя въ судьбахъ православія были, кажется, очень распространены въ обществѣ того времени, о чемъ можно судить какъ, съ одной стороны, потому, что тѣ-же воззрѣнія проводятся и во многихъ другихъ сочиненіяхъ того же вѣка, такъ и потому, что къ тому же времени относятся сказанія о чудесномъ переходѣ святыхъ изъ церкви греческой въ церковь русскую, какъ единственное убѣжище теперь православія.

Эти новыя воззрѣнія на русскую церковь, какъ на центръ православія, и русское государство, какъ единственную православную державу, должны были имѣть своимъ естественнымъ послѣдствіемъ стремленіе нашей церкви возвыситься до уровня, соответствующаго ея новому положенію, показать себя достойною высокаго мѣста, способною выполнить ту великую задачу, которую Промыселъ назначилъ ей выполнить въ исторіи христіанства. Естественнѣе всего и прежде всего эти новыя воззрѣнія должны были отразиться на прославленіи нашихъ отечественныхъ святыхъ. Слава церкви—ея святые. Угодники Божіи суть ясныя свидѣтели благодати Божіей, почивающей въ церкви. Отсюда, возвыситъ значеніе отечественной святыхъ и прославить своихъ отечественныхъ святыхъ было совершенно въ духѣ и потребностяхъ того времени. А для того, чтобы достигнуть послѣдней цѣли, нужно было собрать свѣдѣнія о святыхъ угодникахъ, открыть изъ подъ спуда и поставить на видъ скрытое доселѣ сокровище. И мы дѣйствительно видимъ, что именно въ это время митрополитъ Макарій бѣльшую часть своей дѣятельности посвящаетъ изслѣдованіямъ о жизни русскихъ святыхъ, образуетъ цѣлую школу писателей житій и производитъ безпримѣрную въ нашихъ лѣтописяхъ канонизацію святыхъ. Что дѣйствительно такого рода воззрѣнія, господствовавшія въ русскомъ обществѣ половины XVI вѣка относительно своей выдающейся роли во всемъ православномъ мірѣ, частію обуславливали всю церковную дѣятельность этого времени и главнымъ образомъ

¹⁾ Пр. Соб. 1863 г. I, 344.

соборы о новыхъ чудотворцахъ, доказательствомъ тому служить написанное, по порученію митр. Макарія, житіе св. Михаила клопскаго. Писатель этого житія проводитъ ту мысль, что изысканія о жизни и дѣйствіяхъ святыхъ, направленные къ ихъ прославленію, производятся съ тою цѣлію, чтобы доказать, что русская церковь, хотя она и въ единонадесятый часъ выступилъ а исторіи (т. е., основалась послѣ другихъ восточныхъ церквей), но преуспѣвала усердіемъ дѣлателей отъ перваго часа. Не въ терніи и не на камени надали ея сѣмена, но на доброй тучной землѣ они приносили сторицествующіе плоды. Она столько воспитала святыхъ и великихъ мужей, что вселенная удивляется ихъ добродѣтельному житію. Ихъ прославляютъ не только православные, но и не разумѣющіе Бога, какъ объ этомъ ясно сказано въ житіи чудотворца и святителя Алексія, когда онъ удивилъ безбожныхъ агарянскихъ царей и львообразную ярость ихъ превратилъ въ овчюю кротость ¹⁾. Другой біографъ, также стоявшій подъ вліяніемъ Макарія, описываетъ въ яркихъ чертахъ то впечатлѣніе, которое производили соборы о канонизаціи, и тѣмъ указываетъ и мотивы, вызвавшіе ихъ. Біографъ св. Саввы крыпецкаго, извѣстный авторъ псковскихъ житій, Василиій, упомянувъ о соборномъ установленіи празднованія новымъ чудотворцамъ, замѣчаетъ, что съ того времени церкви Божіи въ русской землѣ не вдовствуютъ памятьми святыхъ и русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ, якоже второй Римъ и царствующій градъ: „тамо бо вѣра православная испроказися жажметовою ересію отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же въ рустѣй землѣ наче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ“ ²⁾.

Политическія условія, съ своей стороны, немало содѣйствовали развитію такого направленія и проведенію его въ жизнь. Кіевъ, Псковъ, Новгородъ, Суздаль и другіе центры древне-русской жизни, потерявъ самостоятельность, присоединились къ Москвѣ и подчинились центральной церковной власти. Мѣстные свя-

¹⁾ Чт. въ Общ. люб. д. пр., 1878 г., I, 420—21.

²⁾ Ключ., Житія, 227—28.

тне древнихъ городовъ русскихъ, дотогѣ праздновашіеся у себя дома, теперь являются какъ всероссійскіе святыи и памяти ихъ торжественно устанавливаются на этихъ соборахъ.

Итакъ, съ одной стороны, усиленіе центральной власти русской церкви, которое необходимо должно было отразиться и на канонизаціи святыхъ, уничтоживъ мѣстность ихъ почитанія, съ другой, эти новыя воззрѣнія на русскую церковь, какъ на единственную представительницу теперь православія, которыя побуждали церковь собрать въ одно цѣлое всѣ мѣстныя преданія о святыхъ и сдѣлать почитаніе ихъ общимъ, чтобы наглядно показать, что наша церковь по количеству въ ней угодниковъ Божіихъ вполне можетъ соответствовать своему новому положенію, — все это вполне могло послужить источникомъ идеи, которая лежитъ въ основѣ соборовъ о новыхъ чудотворцахъ. Въ гражданской жизни эти новыя воззрѣнія нашего народа наглядно выразились въ вѣнчаніи Грознаго на царство, благодаря чему, прежнее московское княжество стало государствомъ; въ жизни же церкви эти новыя обстоятельства, въ силу того, что послѣдняя должна была соответствовать величію государства, послужили источникомъ къ прославленію нашихъ святыхъ.

Своего выразителя эта мысль, легшая въ основу соборовъ 1547 и 1549 годовъ, нашла въ лицѣ знаменитаго дѣятеля этой эпохи, митрополита Макарія. Послѣдній скорѣе и лучше, чѣмъ кто другой, могъ выполнить и осуществить это дѣло — произвести канонизацію святыхъ доселѣ мѣстно чтимыхъ, какъ по своему личному характеру, такъ и по обстоятельствамъ жизни, давшей ему средства для осуществленія своихъ плановъ. Дѣятельность митрополита Макарія въ санѣ архіепископа новгородскаго и затѣмъ митрополита московскаго даетъ намъ полное право сдѣлать заключеніе о немъ, какъ о человѣкѣ, который цѣлью жизни своей поставилъ исправленіе недостатковъ, вѣками накопившихся въ русской церкви, и приведеніе въ болѣе строгій порядокъ того, что „поизшталось“. Прибывши въ Новгородъ великій, въ качествѣ его владыки, онъ вводитъ правильное общежитіе въ тамошніе монастыри, строитъ и украшаетъ храмы, нововзлетъ обветшавшіе памятники

церковной святини, заботится объ украшеніи города, чтобы, по выраженію современнаго лѣтописца, было „велики лѣпо и чудно видѣти“¹⁾). Благодаря этой своей дѣятельности, обусловленной его личнымъ характеромъ, Макарій достигъ того, что новгородцы, еще не совсѣмъ привыкшіе къ своей потерѣ свободы и потому враждебно относившіеся къ Москвѣ и посылаемымъ отсюда въ Новгородъ правительственнымъ лицамъ, такъ были довольны управленіемъ Макарія, что тотъ же лѣтописецъ, резюмируя результаты его дѣятельности, съ восторгомъ говоритъ; „и бысть при семъ владыцѣ во всей его архіепископїи молитвами его времена тиха и прохладна: коробью убо жита кушили по семи новгородокъ“²⁾). Сдѣлавшись митрополитомъ всероссійскимъ, Макарій точно также дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Стоглавый соборъ и соборы о новыхъ чудотворцахъ проникнуты тою же руководящею его дѣятельностью идеєю поновленія и приведенія въ порядокъ стараго, пришедшаго въ упадокъ. Эта господствующая черта дѣятельности этого іерарха для насъ будетъ понятна, если мы хотя немного познакоимся съ его жизнію. Въ этомъ отношеніи прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Макарій вышелъ изъ монастыря Пафнутія боровскаго, воспитался въ преданіяхъ сферы, изъ которой вышло замѣтно выдѣляющееся направленіе въ средѣ русскаго монашества XVI вѣка: согласно съ духомъ своего родоначальника, въ которомъ біографъ выставляетъ преобладающей чертой чувство мѣры— „безмѣрія во всемъ убѣгая, егда время бѣ, глаголаше потребная, и егда подобно, молчанію прилежае, все во время твора“,—эта школа отличалась стремленіемъ къ дисциплинѣ, ко внѣшнему порядку и благолѣпнѣю и сильнымъ практическимъ смысломъ“³⁾).

На основаніи всего сказаннаго о личномъ характерѣ митрополита Макарія и его дѣятельности, не трудно теперь для насъ рѣшить и вопросъ о томъ, кому принадлежала самая инициатива этихъ соборовъ. Въ нѣкоторыхъ источникахъ, сохранившихся до

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 301.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 282.

³⁾ Ключев., Житїя 221—222.

нашего времени свѣдѣнія о соборахъ 1547 и 1549 г., дѣло представляется такъ, что инициатива этихъ соборовъ и произведенной на нихъ канонизаціи принадлежитъ Іоанну IV-му. Такъ, въ житіи митрополита Іоны, авторъ его, сказавъ, что памяти многихъ святыхъ, прославленныхъ чудесами, „отъ многогъ временъ и донынѣ сокровенны и забвенію преданы“, продолжаетъ далѣе: „и сего ради христолюбивый царь и великій князь Иванъ возвѣщаетъ боголюбивѣйшему митрополиту Макарію всея Русіи и совѣта блага просить отъ него, еже отъ многого благоговѣнія и любви имѣя желаніе въ мысли своей, дабы симъ новѣйшимъ чудотворцемъ уставити празднество во святыхъ Божіихъ церквахъ повсюду, якоже и прежнимъ, иже въ русской земли провозсѣавшимъ новымъ чудотворцемъ“ ¹⁾. Та же самая мысль проводится довольно ясно и въ окружной грамотѣ этого митрополита, посланной имъ въ Вологду и на Бѣлоозеро и въ Троицкій Сергіевъ монастырь ²⁾. Но гораздо вѣрнѣе, кажется, дѣло представляется въ Стоглавѣ. Въ послѣднемъ ничего не говорится о первомъ соборѣ, инициатива же втораго собора ясно приписывается митрополиту Макарію и бывшему подъ предсѣдательствомъ его первому собору: „но вашему святительскому соборному благословенію и прощенію и вашихъ ради святыхъ молитвъ Божіихъ строеніемъ осія благодать Св. Духа и коснуса разуму моему, възде на память мнѣ и вождель душа моя великое и неистощимое богатство отъ многихъ временъ сокровенно и забвенію предано“ ³⁾ и проч. А у Карамзина прямо говорится, что „преосвященный Макарей митрополитъ, да съ Алексѣемъ, епископомъ ростовскимъ и ярославскимъ и проч., со всѣмъ священнымъ соборомъ уставили есмя нынѣ праздновати новымъ чудотворцемъ въ русской землѣ“ ⁴⁾ и проч., и слѣдовательно, инициатива этого перваго собора относится къ самому митрополиту Макарію. Последнее представленіе дѣла будетъ вѣрнѣе. Ибо трудно

¹⁾ Ключев., житія, прилож. 4, 461.

²⁾ См. первую въ А. Э., 1, № 213; вторую—Чт. Общ. д. д. пр., 1878 г., 1, 428—429.

³⁾ Стоглавъ, 43.

⁴⁾ Карамзинъ, Исторія Г. Р., т. IX, примѣч 87, стр. 26.

представлять, чтобы у семнадцатилѣтняго царя-юноши, и притомъ юноши неводержнаго, преданнаго всѣмъ излишествамъ молодости, могла возникнуть идея о канонизаціи святыхъ и притомъ въ такой безприѣрной въ исторіи формѣ, въ какой она была произведена на этотъ разъ. Если же въ житіи Іоны и въ первыхъ двухъ приведенныхъ грамотахъ инициатива дѣла приписывается самому царю, то только или потому, что Іоаннъ, толкнутый Макаріемъ посредствомъ вѣнчанія его на царство на новый жизненный путь, вездѣ и всюду хотѣлъ усвоить себѣ не только первенствующую роль, но даже и инициативу, при чемъ, конечно, митрополитъ не могъ препятствовать государю въ этомъ безвредномъ въ существѣ дѣла желаніи его; или потому, что царь дѣйствительно принималъ видное участіе въ этихъ соборахъ, такъ какъ требовалось прежде всего его соизволеніе относительно ихъ, затѣмъ разрѣшеніе на призывъ мѣстныхъ владыкъ и вообще ему могла принадлежать вся внѣшняя административная дѣятельность, направленная на подготовленіе соборовъ; вслѣдствіе всего этого, въ окружающихъ грамотахъ инициатива послѣднихъ и могла быть приписана самому царю, хотя это и несправедливо. Что дѣйствительно инициативу этихъ соборовъ нужно приписывать именно митрополиту Макарію, непререкаемымъ свидѣтельствомъ въ пользу этой мысли можетъ служить и вся дѣятельность его въ Новгородѣ по составленію громаднѣйшаго изъ сборниковъ житій святыхъ и его особенная заботливость о написаніи житій русскихъ святыхъ. „Макарьевскія Четы-Миней, говоритъ В. О. Ключевскій, представляютъ такую же попытку централизаціи въ области древне-русской письменности, какой были соборы 1547 и 1549 годовъ въ области русскихъ церковно-историческихъ воспоминаній“¹⁾. Задавшись цѣлю собрать „всѣ святыя книги, какія обрѣтаются въ русской землѣ“, Макарій долженъ былъ столкнуться съ тою же мѣстностью сказаній, какая была и въ почитаніи святыхъ. Ибо, говоритъ Буславевъ, въ древней Руси первоначально не было и не могло быть словесности вообще русской, а были преданія, сказанія и пѣсни, —

¹⁾ Ключев., Житія 229.

кіевскія, новгородскія, муромскія, рязанскія, ростовскія, сло-
ленскія и т. д. Даже Москва, коренившаяся на преданіяхъ суз-
дальскихъ и владимірскихъ, сначала является въ литературѣ съ
своими мѣстными исключительными интересами, и только съ поло-
вины XVI вѣка начинаетъ поглощать въ своей энергической дѣ-
тельности мѣстныя особенности старыхъ городов¹⁾. Эта мѣстность
и разбросанность сказаній, вслѣдствіе чего происходила ихъ недо-
ступность для всего русскаго общества, естественно, могла навести
Макарія на мысль собрать послѣднія всё по возможности въ одинъ
сборникъ и сдѣлать чрезъ это ихъ общедоступными. Къ осуше-
ствленію этой мысли Макаріей приступилъ, еще будучи архіеписко-
помъ новгородскимъ, именно въ 1529 году, и надъ исполненіемъ
ея работалъ очень долгое время. Дѣятельность эта по составленію
его Четьи-Миней, въ которыя онъ старался собрать между про-
чимъ, и житія русскихъ святыхъ, естественно, могла натолкнуть его
на мысль произвестъ общую канонизацію святыхъ, доселѣ только
мѣстно-чтимыхъ, и чрезъ это сдѣлать почитаніе ихъ всецерков-
нымъ. Такимъ образомъ, въ этой дѣятельности Макарія по соста-
вленію Четьи-Миней можно видѣть начало и источникъ самой мы-
сли соборовъ о новыхъ чудотворцахъ.

Какъ соборъ 1547 года, такъ и соборъ 1549 г. имѣютъ
совершенно одинаковую цѣль и одинъ и тотъ же предметъ; бла-
годаря этому единству цѣлей и предмета ихъ, второй соборъ яв-
ляется естественнымъ продолженіемъ перваго; вслѣдствіе чего оба
эти собора можно разсматривать за одинъ соборъ, какъ нѣкото-
рые дѣйствительно и дѣлаютъ²⁾. Если же мы не слѣдуемъ этому
плану, то единственно только въ видахъ достиженія ясности и
большей раздѣльности представленія о каждомъ изъ нихъ, чего,
конечно, трудно достигнуть при одновременномъ и совмѣстномъ
изложеніи исторіи этихъ соборовъ.

¹⁾ Буслаевъ. Истор. очерки русск. нар. словесн. 11, 108.

²⁾ Напр., В. О. Ключевскій.

II.

Соборъ 1547 года.

Изъ предварительныхъ свѣдѣній объ этихъ соборахъ мы знаемъ, что инициатива ихъ созванія должна быть приписываема митрополиту Макарію. Поэтому дѣло можно представлять слѣдующимъ образомъ. Занимаясь составленіемъ своихъ Четы-Милей, Макарій, естественно, могъ натолкнуться на мысль о всецерковномъ прославленіи святыхъ, большинство которыхъ до сихъ поръ только мѣстно чтилось. Безъ сомнѣнія, эту мысль онъ не замедлилъ сообщить царю, Ивану IV. Послѣдній, находясь въ это время подъ благотворнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, самого Макарія, съ другой—Сильвестра и Адашева, переживалъ самыя лучшія годы своего царствованія, когда онъ съ усиленною энергіею заботился о нуждахъ государства и церкви. Неудивительно поэтому, что молодой царь, только что самъ торжественно вѣнчавшійся на царство, близко къ сердцу принялъ мысль митрополита и постарался употребить всѣ мѣры съ своей стороны къ ея осуществленію. И вотъ, благодаря дружнымъ усиліямъ этихъ двухъ выдающихся дѣятелей этой эпохи, въ 1547 году 26 февраля созывается въ Москвѣ, подъ предѣдательствомъ митрополита, соборъ, на которомъ присутствовали: Алексѣй, архіепископъ ростовскій и ярославскій, Іона, епископъ суздальскій и торусскій, Іона, епископъ рязанскій и муромскій ¹⁾, Акакій, епископъ тверской, Феодосій, епископъ коломенскій и каширскій, Савва, епископъ сарскій и подонскій, и Кипріанъ, епископъ неремскій и вологодскій, архимандриты и игумены ²⁾.

Списокъ святыхъ, канонизованныхъ на соборахъ 1547 и 1549 годовъ, заключается въ четырехъ извѣстныхъ памѣ документахъ

¹⁾ Въ А. Э. № 213, 203 — Рязанскій епископъ названъ Іосифомъ, — но это невѣрно. — вообще эта грамота съ ошибками писца: поэтому мы будемъ болѣе обращаться къ Карамзину, у котораго въ примѣчаніи 87 (9 т., 26) помѣщена выдержка изъ старой рукописной книги Іосифа Волоколамскаго монастыря объ этихъ соборахъ.

²⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., т. IX, прим. 87, 26; А. Э. № 213.

и во всѣхъ ихъ въ неполномъ и неточномъ видѣ. Документы эти слѣдующіе: а) перечень святыхъ, напечатанный у Карамзина ¹⁾; б) грамота митрополита Макарія на Вѣлоозеро ²⁾; в) изложение соборное Макарія, посланное имъ въ Троице-Сергіевъ монастырь ³⁾; г) редакція житія митрополита Іоны ⁴⁾. Первые три документа содержатъ въ себѣ перечень только тѣхъ, которые причислены къ лику святыхъ на соборѣ 1547 года. Въ послѣднемъ документѣ перечисляются святые безъ указанія на то, на какомъ изъ двухъ соборовъ какой святой былъ канонизованъ. Но такъ какъ имена святыхъ, канонизованныхъ на соборѣ 1547 г., извѣстны изъ первыхъ трехъ документовъ, то, очевидно, сопоставленіе первыхъ трехъ и послѣдняго актовъ даетъ возможность опредѣлить, на какомъ изъ соборовъ какой святой былъ канонизованъ.

По карамзинскому списку, на соборѣ 1547 года положено праздновать 12 святымъ повсюду и 9 мѣстно; въ грамотѣ митрополита на Вѣлоозеро перечислены тѣ же святые, кромѣ св. Александра Невского, въ „изложеніи соборномъ Макарія митрополита, посланномъ въ Троице-Сергіеву лавру, напротивъ, къ канонизованнымъ на первомъ соборѣ святымъ причислены еще св. Савва сторожевскій и Никита, архіепископъ новгородскій; такъ что по послѣднему акту всѣхъ святыхъ, которымъ установлено этимъ соборомъ повсемѣстное празднованіе, оказывается не 12 и не 11, какъ въ прежде извѣстныхъ актѣхъ, а 14. Въ житіи митрополита Іоны находится въ числѣ канонизованныхъ святыхъ и Савва сторожевскій и Никита, архіепископъ новгородскій (послѣдній, впрочемъ, вѣдетъ съ Нифонтомъ, архіепископомъ новгородскимъ, приписаны на поляхъ, а не въ текстѣ) ⁵⁾.

Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предпочитать одинъ списокъ другому, такъ какъ относительно всѣхъ ихъ можно съ равнымъ правомъ думать, что имена святыхъ въ нихъ могли быть

¹⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., т. IX, прим. 87, 26.

²⁾ А. Э. № 213.

³⁾ Чт. Общ. люб. д. пр., 1878 г., 1, 428—29.

⁴⁾ Ключевскій, Житія, прил. 4, 460—63.

⁵⁾ Ключев., Житія, 462, примѣч. 2.

дополняемы писцами, или же послѣдніе могли дѣлать пропуски. Отсюда, конечно, весьма трудно составить совершенно вѣрный списокъ святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ. Впрочемъ, относительно 12 святыхъ, перечисленныхъ у Карамзина въ списокъ всеобщихъ святыхъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія и недоразумѣнія, потому что они встрѣчаются во всѣхъ другихъ документахъ почти безъ всякихъ измѣненій. Сомнѣніе можетъ только являться относительно двухъ святыхъ—это Саввы сторожевскаго и Никиты, архіепископа новгородскаго, изъ которыхъ первый упоминается и въ житіи Іоны и въ соборномъ изложеніи митрополита Макарія въ Сергіеву лавру, а второй только въ послѣднемъ, при чемъ оба эти святые въ этомъ уложеніи стоятъ въ списокѣ всеобщихъ святыхъ. Противъ внесенія пр. Саввы сторожевскаго въ списокъ святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, мы ничего не можемъ сказать; что же касается до св. Никиты, архіепископа новгородскаго, то есть основанія относить его канонизацію къ позднѣйшему времени, именно къ 1558 году ¹⁾. Поэтому перечень

¹⁾ Канонизацію Никиты, архіепископа новгородскаго, относятъ—одни къ собору 1547 г. (г. Лебедевъ), другіе — къ собору 1549 г. (Макарій и Сергій, Агіел. 1, 193). Но намъ кажется, что какъ то, такъ и другое мнѣніе о времени совершенія канонизаціи этого святаго несправедливо. Единственное основаніе, которое еще можетъ говорить въ пользу канонизаціи св. Никиты на этихъ соборахъ, — это то, что имя его находится въ соборномъ уложеніи Макарія въ Троицкую Лавру. Что же касается до житія митр. Іоны, гдѣ имя этого святаго находится на полѣ, а не въ текстѣ, то оно едва ли можетъ служить основаніемъ; такъ какъ, очевидно, имя его внесено когда-то послѣ. Поэтому вѣрнѣе и послѣдовательнѣе уже будетъ, какъ это и дѣлаетъ г. Лебедевъ, относить канонизацію св. Никиты къ первому собору. Но и съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ трудно согласиться по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего, имѣть рѣшительно никакого основанія утверждать, что соборное уложеніе митрополита Макарія въ Троицкую Лавру не могло подвергнуться ошибкамъ и порчѣ со стороны переписчиковъ. Примѣръ такой ошибки писца мы встрѣчаемъ въ подобной же грамотѣ того же митрополита на Бѣлосеро, въ которой опущено имя св. Александра Невскаго. Затѣмъ, ниже мы увидимъ, что канонизація того или другаго святаго на этихъ соборахъ стояла въ тѣсной зависимости отъ существованія житія и канона святому. Для перваго собора послѣднія были собраны и приготовлены самимъ Макаріемъ; для послѣдняго же собора это было сдѣлано епархіальными обысками. Между тѣмъ и житія, и службы св. Никиты мы не на-

святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года. по указаннымъ спискамъ, долженъ явиться въ слѣдующемъ видѣ:

На соборѣ 1547 года положено праздновать:

а) *Всюду:*

б) *Мѣстно:*

1) Иоанну, архіеп. новгородскому, 7 сентября,

1) Константину и чадамъ его Михаилу и

ходимъ въ это время,—явный признакъ того, что онѣ еще не были составлены. Ибо при существованіи ихъ трудно объяснить, почему митрополитъ Макарій, такъ долго жившій въ Новгородѣ и тамъ составившій свои Четыи Мисеи, не помѣстилъ ихъ въ послѣдніи. Между тѣмъ есть основанія относить канонизацію св. Никиты къ 1558 г., когда открыты были его мощи и когда составлено было житіе его. Мысль объ открытіи мощей этого святителя явилась нѣсколько ранѣе 1558 года. Именно, какъ рассказывается въ повѣсти объ обрѣтеніи мощей его, еще въ 1547 году одному царедворцу, которому былъ порученъ надзоръ за церковными дѣлами въ Новгородской области, ночью предъ праздникомъ Пасхи, въ соборной церкви, при чтеніи Дѣяній Апостольскихъ, послышался голосъ, повелѣвавшій ему украсить покровомъ гробницу св. Никиты. Спустя нѣсколько лѣтъ, тотъ же царедворецъ рѣшился, выбравъ удобное время, продѣлать скважину въ каменной крышѣ гробницы и, пропустивъ туда зажженную свѣчу, увидѣлъ тѣло святителя Никиты, покрытое покровомъ и казавшееся совершенно цѣлымъ и не распавшимся въ составѣхъ. Онъ донесъ объ этомъ владыкѣ Пимену, а владыка—митрополиту и самодержцу (Рук. Тр. С. Л., № 673, л. 371—74). Эти свѣдѣнія дополняетъ вторая Новгородская Лѣтопись, въ которой мы находимъ подъ 1558 годомъ слѣдующее извѣстіе: «Въ лѣто 7066... сотворилъ Маркеллъ житіе Никитѣ епископу новгородскому и кануъ, да поѣхалъ Маркеллъ изъ Новгорода къ Москвѣ. Да того жъ лѣта, мѣсяца Апрѣля въ 30 день обрѣтоша моща, епископа св. Никиты цѣлы и положиша ихъ въ новый ларецъ» (П. С. Р. л. 3, 158). Сопоставляя эти извѣстія «повѣсти» объ обрѣтеніи мощей съ лѣтописью, можно думать, что какъ скоро, благодаря донесенію царедворца, явилась мысль объ открытіи мощей и прославленіи св. Никиты, то владыка Пимень озабочился, прежде всего, о составленіи житія и канона ему, какъ необходимыхъ для канонизація вообще, которыя и были написаны, по его порученію, бывшимъ игуменомъ Хутынскаго монастыря Маркелломъ въ 1557 году (Обзоръ дух. лит. 210 стр.). Затѣмъ, владыка послалъ его въ Москву за разрѣшеніемъ митрополита и государя открытъ мощи св. Никиты. Вѣроятно, что разрѣшеніе и было получено въ 1558 году, когда 30 апрѣля и были открыты его мощи, и тогда же, вѣроятно, установленъ былъ праздникъ въ честь св. Никиты. Такимъ образомъ, канонизацію этого святаго есть все основанія относить ко времени открытія его мощей, т. е. къ 1558 году.

Іонѣ, митрополиту всея Руси,
30 марта,

Пафнутію Боровскому, 1 мая,
Никону Радонежскому, 17
ноября,

5) Саввѣ Сторожевскому, 3
декабря,

Макарію Колязинскому, 11
марта,

Михаилу Клопскому, 11 января,

Зосимѣ Соловецкому, 17 апр.,

Савватію Соловецкому, по лавр.
17 апр., по Карамзину, 27 сент.,

10) Павлу Комельскому, 10
января,

Діонисію Глушицкому, 1 іюня,

Александрю Свирскому, 30 авг.

13) Александрю Невскому,
23 ноября.

Өвродору Муромскимъ, 1 мая,
Петру и

5) Өвроніи Муромскимъ, 25
іюня,

Арсенію Тверскому, 2 марта,
Максиму Московскому юриди-
вому, 13 августа,

Прокошію и

9) Іоанну Устюжскимъ, на
Устюгѣ, 8 іюля ¹⁾.

Вотъ и все, что сохранила намъ достовѣрнаго исторія объ этомъ соборѣ: Какъ видимъ, извѣстія очень немногочисленныя! Само собою разумѣется, что при такомъ незначительномъ количествѣ извѣстій трудно воспроизвестъ полную картину этого собора, а тѣмъ болѣе написать исторію его. На многіе вопросы, какъ напр.: были ли какія нибудь подготовительныя работы къ нему,

¹⁾ Г. Лебедевъ, при составленіи списка святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, слѣдуетъ исключительно «уложенію соборному» митрополита Макарія, посланному имъ въ Троице-Сергіевъ монастырь; вслѣдствіе чего у него, вмѣсто 12 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ повсемѣстныя празднованія, получается 14 (Чт. Общ. д. д. пр., 1878 г., I, 423—24). Но мы уже говорили, что совершенно нѣтъ никакихъ основаній предпочитать одинъ списокъ другому, такъ какъ возможность порчи ихъ перепечатками для всѣхъ якъ одинакова. Преосв. Сергій (Агіолог. I, 15, 193) и Макарій относятъ канонизацію св. Саввы Сторожевскаго и Никиты, архіеп. новгородскаго, къ собору 1549 г., слѣдуя, очевидно, при составленіи списка святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 г., Карамзину и Ключевскому (Ц. И. Макарія 8, 44).

какими основаніями руководствовались отцы собора, канонизуя именно этихъ святыхъ, тогда какъ много было и другихъ, канонизація которыхъ совершена была уже послѣ, на второмъ соборѣ 1549 года; какія были основанія, въ силу которыхъ отцы собора однимъ святымъ установили празднованіе всецерковное, а другимъ—только жѣстное,—какъ совершалась, наконецъ, самая канонизація всѣхъ этихъ святыхъ.—на всѣ эти вопросы въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ мы не находимъ никакого отвѣта. Причина, почему объ этомъ соборѣ дошло до насъ такъ мало извѣстій, прежде всего, конечно, заключается въ томъ, что не сохранились самые акты или дѣянія его ¹⁾. За неимѣніемъ этихъ актовъ, для того, чтобы изслѣдованіе о соборѣ было болѣе или менѣе полно, приходится руководствоваться незначительными указаціями, разсѣянными въ нѣкоторыхъ житіяхъ святыхъ, написанныхъ во время или немного послѣ этого собора, и на основаніи ихъ давать болѣе или менѣе *вѣроятные* отвѣты на всѣ вышеуказанные вопросы. Для рѣшенія же нѣкоторыхъ вопросовъ, безъ которыхъ исторія его была бы неполною, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, приходится прибѣгать къ предположеніямъ, при чемъ дать послѣднимъ характеръ положительной истины, кажется, нѣтъ возможности. Отсюда и все изслѣдованіе собственно о внутренней сторонѣ этого собора по необходимости должно будетъ принять нежелательный нашъ характеръ гипотетическій. Не имѣя возможности измѣнить этого послѣдняго, мы стараемся сдѣлать одно,—это собрать все, что только можно, объ этихъ соборахъ, воспользоваться самыми незначительными извѣстіями, чтобы наши предположенія о тѣхъ или другихъ возникающихъ вопросахъ, насколько возможно, ближе под-

¹⁾ Вообще судьба этихъ соборовъ въ исторіи представляется довольно странною и трудно объяснимою. Изъ приведенныхъ уже нами словъ извѣстнаго агіобіографа макарьевскихъ временъ, Василія, мы можемъ видѣть, каковъ сильное впечатлѣніе производили эти соборы на современниковъ. Но несмотря однако на это, ни въ житіяхъ, въ такомъ множествѣ появившихся у насъ въ то время, ни даже въ лѣтописяхъ, всегда чутко отъликающихся на всякое выдающееся явленіе въ жизни церкви, мы не находимъ извѣстій объ этихъ соборахъ, а послѣднія такъ и совсѣмъ молчатъ о нихъ.

ходили къ истинѣ. Прежде всего постараемся отвѣтить на первый вопросъ: были ли какія нибудь подготовительныя работы къ этому собору?

Исторія не сохранила извѣстій о какихъ либо изысканіяхъ о жизни и чудесахъ святыхъ, спеціально назначенныхъ для собора 1547 года. Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что такихъ спеціальныхъ изслѣдованій и изысканій и не было. Ибо такія предварительныя изысканія къ собору 1547 года вполне могли замѣнять собою макарьевскія Четьи-Миней. Что, дѣйствительно, послѣдняя мысль имѣетъ основаніе, — это можно видѣть уже изъ самаго процесса собиранія Макаріемъ въ Новгородѣ русскихъ сказаній о святыхъ. Задавшись этою цѣлію, Макарій образовалъ около себя цѣлое литературное общество, члены котораго одни рылись въ монастырскихъ бібліотекахъ, стараясь найти нужный имъ матеріалъ, другіе переписывали разныя редакціи житій, третьи уже составляли новыя житія, или передѣлывали старыя сообразно требованіямъ времени. Самъ Макарій принималъ въ этой общей работѣ самое дѣятельное участіе. Онъ, какъ говоритъ одинъ изъ его помощниковъ, Илья, любилъ „день и ночь, яко пчелы сладость отовсюду приносить, поискати святыхъ житія. Мнози отъ святыхъ забвенію предани быша, сихъ убо святитель подъ спудомъ не скрываетъ, но на свѣщницѣ добродѣтели возлагаетъ“. Но кромѣ этого общаго характера дѣятельности этого архіепископа въ Новгородѣ, дѣятельности, направленной на отысканіе житій русскихъ святыхъ и ихъ переработку, при чемъ характеръ послѣдней, какъ ниже увидимъ, ясно показываетъ, что митрополитъ имѣлъ въ виду церковное употребленіе ихъ, есть еще одинъ фактъ, который можетъ говорить въ пользу нашей мысли. Въ 1537 году, по распоряженію Макарія, составлена была Василиемъ Михайловичемъ Тучковымъ новая редакція житія св. Михаила Клопскаго. Характеръ этой новой редакціи житія и тѣ побужденія, которыя ее вызвали, показываютъ, что архіепископъ имѣлъ въ виду будущее церковное употребленіе житія, что въ свою очередь необходимо требовало канонизаціи святаго. Прежняя редакція житія Михаила Клопскаго казалась архіепископу „весьма простою“, т. е., лишенною условнаго

риторизма и вообще условныхъ литературныхъ формъ житія, назначеннаго для церковнаго употребленія. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что, по распоряженію архієпископа Макарія, (слѣдовательно ранѣе собора 1547 года), написанъ былъ тому же прен. Михаилу Клонскому канонъ пресвитеромъ Ілією ¹⁾. Это уже прямо говоритъ за намѣреніе Макарія произвести канонизацію этого святаго. Соборъ 1547 года, опредѣляя предметы изысканій для будущаго собора о канонизаціи святыхъ, ясно указываетъ именно на житія, каноны и чудеса.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ нами вопросомъ стоитъ и слѣдующій за нимъ вопросъ, — почему соборъ 1547 года изъ множества святыхъ выбралъ и канонизовалъ именно только это ограниченное ихъ количество, а не другое? Рѣшивъ такъ или иначе первый вопросъ, мы постараемся дать отвѣтъ и на второй вопросъ, частію зависящій отъ рѣшенія перваго. Рѣшеніе послѣдняго откроетъ намъ то основаніе, которымъ соборъ руководился при своей канонизаціи святыхъ. Мы уже знаемъ, что предварительное изысканіе, которое предшествовало этому собору, тѣсно соединяется съ макарьевскими Четьи-Минеями. Макарій, составляя послѣднія, одинъ производилъ тотъ обыскъ о новыхъ чудотворцахъ, который потомъ производили уже епархіальные владыки, подготовляя агіобіографическій матеріалъ для слѣдующаго собора 1549 года. Эта подготовительная работа Макарія имѣла своимъ результатомъ собраніе житій русскихъ святыхъ, вращавшихся въ тогдешней литературѣ. При этомъ, конечно, нельзя думать, чтобы въ руки его попали всѣ житія святыхъ мѣстно чтимыхъ, а, вѣроятно, только житія болѣе извѣстныхъ и чтимыхъ святыхъ и потому болѣе другихъ распространенныя. Для канонизаціи того или другаго святаго необходимы были служба и житіе его, которыя могли бы итѣться и читаться въ день празднованія памяти его. Поэтому естественно, что когда у Макарія возникла мысль совершить канонизацію святыхъ, то онъ обратилъ прежде всего вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, службы и житія которыхъ имъ были

¹⁾ Чт. Общ. з. д. пр., 1878 г., 1. 422.

собраны и просмотрѣны. Здѣсь, такимъ образомъ, открывается литературный источникъ канонизаціи 1547 года: установленіе празднованія извѣстному святому условливалось существованіемъ житія и канона, которыя можно было бы читать и ить въ церкви въ день его памяти¹⁾. Дѣйствительно, присматриваясь къ списку 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, мы встрѣчаемъ въ немъ все такія имена святыхъ, память которыхъ уже задолго до этого времени чтилась церковнымъ образомъ, на что указываетъ существованіе ихъ житій и канонновъ. Но однимъ этимъ источникомъ, однако же, нельзя объяснить списокъ именъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года. Ибо въ это время были и другіе святые, имѣвшіе службу и житіе, которые, однако, почему то не попали въ этотъ списокъ 13. Такъ, ни къ общимъ, ни даже къ мѣстнымъ святымъ соборъ не причислилъ ни князя тверскаго Михаила, ни князей ярославскихъ Василія и Константина, хотя житія ихъ были давно составлены, а послѣдніе были даже прославлены открытіемъ мощей въ 1501 г. Чѣмъ, спрашивается, объяснить такое явленіе? Очевидно, соборъ, если бы онъ руководился исключительно однимъ литературнымъ источникомъ, долженъ былъ бы причислить и этихъ князей къ лику святыхъ. Здѣсь, такимъ образомъ, открывается необходимость предположить другой какой нибудь источникъ канонизаціи на этомъ соборѣ. Можно думать, что послѣднимъ могло быть повсемѣстно распространенное въ рускомъ обществѣ почитаніе святаго. Но присматриваясь къ списку 13, которымъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, не трудно видѣть, что только двоимъ изъ всего этого числа, именно: Александру Невскому и митрополиту Іонѣ можно усвоить широкую извѣстность въ рускомъ церковномъ обществѣ до соборнаго опредѣленія 1547 г.; остальные приобрѣли ее вслѣдствіе этого опредѣленія и были прежде святыней мѣстности гдѣ подвизались и покоились по смерти²⁾. Не имѣя возможности послѣднее признать условіемъ, дѣйствовавшимъ на соборѣ 1547 г.,

¹⁾ Ключев., Житія, 223.

²⁾ Ключев., Житія, 224.

мы должны опять обратить вниманіе на житія и службы и въ степеняхъ ихъ распространенности въ тогдашнемъ церковномъ обществѣ искать объясненія списка святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе. А это послѣднее обстоятельство приводитъ насъ снова къ макарьевскимъ Четьи-Минеямъ. Очевидно, что житія святыхъ болѣе распространенныя имѣли больше шансовъ попасть въ послѣднія. Сдѣлавшись же извѣстными Макарію и чрезъ него другимъ членамъ собора, эти святые, слѣдовательно, могли имѣть и больше шансовъ на канонизацію ихъ на этомъ соборѣ. Такимъ образомъ, остается признать, что выборъ опредѣлился двумя условіями: существованіемъ житій и каноновъ этихъ святыхъ и степенью распространенности ихъ въ письменности того времени. Случайность выбора, зависѣвшая отъ этого послѣдняго условія, становится еще замѣтнѣе, при сопоставленіи списка 1547 года съ количествомъ русскихъ житій, написанныхъ до собора, и съ ихъ сравнительнымъ распространеніемъ въ письменности первой половины XVI вѣка. Почти всѣ имена, занесенныя въ списокъ 13, принадлежатъ святымъ, житія которыхъ встрѣчаются въ рукописяхъ этого времени гораздо чаще, сравнительно съ житіями другихъ, хотя также давно написанными ¹⁾ Послѣ этого легко дать отвѣтъ и на вопросъ, почему другіе святые, напр.: Михаилъ Тверской и Ярославскіе князья св. Василій и Константинъ и многіе другіе, житія и каноны которыхъ были уже составлены, не были канонизованы на этомъ соборѣ отвѣтъ этотъ будетъ состоять въ томъ что, судя по уцѣлѣвшимъ спискамъ, есть основаніе считать житія названныхъ святыхъ очень мало распространенными въ письменности до половины XVI вѣка и этимъ объяснять ихъ отсутствіе въ минеяхъ Макарія.

Наконецъ, при сужденіи о томъ, почему соборъ 1547 года установилъ празднованіе именно этимъ святымъ, а не другимъ, нельзя упускать изъ виду и дѣйствіе третьей причины. Мы уже знаемъ, что макарьевскія Четьи-Минеи составлялись въ Новгородѣ. Отсюда новгородскіе святые всего скорѣе могли попасть въ

¹⁾ лючев. Житія, 224.

нихъ. А это послѣднее обстоятельство могло, какъ мы видѣли, служить и поводомъ къ ихъ канонизаціи. Къ другимъ же святымъ, канонизованнымъ на этомъ соборѣ, митрополитъ имѣлъ личное усердіе, какъ напр.: къ Іонѣ, митрополиту московскому, Александру Невскому и Пафнутію Боровскому. Поэтому мы не ошибемся, кажется, если предположимъ, что списокъ святыхъ составлялся на соборѣ подъ большимъ вліяніемъ предсѣдателя этого собора, т. е., Макарія. По крайней мѣрѣ это вліяніе послѣдняго можно видѣть въ томъ, что почти $\frac{2}{3}$ изъ 13 общихъ святыхъ составляютъ съ одной стороны святые Новгорода, каковы: Іоаннъ архіепископъ новгородскій, преи. Зосима и Савватій соловецкіе Миха ль Клопскій и Александръ Свирскій, а съ другой—святые, къ которымъ Макарій питалъ личное усердіе, именно: Пафнутій Боровскій, Александръ Невскій и Іона, митрополитъ московскій.

Какъ мы уже знаемъ, соборъ 1547 года однимъ святымъ установилъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное. Чѣмъ спрашивается, руководился онъ, устанавливая такое различіе въ празднованіи памяти канонизованныхъ иже святыхъ? Присматриваясь къ списку святыхъ всеобщихъ и мѣстныхъ, съ перваго раза можно бы подумать, что въ основѣ такого различія соборъ положилъ тѣ или другія заслуги церкви и государству извѣстнаго святаго и тогда, значить, это различіе обусловливалось бы степенью ихъ заслугъ. Но такое объясненіе этаго различія, едва-ли можно признать справедливымъ. Просматривая списокъ 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, мы встрѣчаемъ между ними только два лица, которыя дѣйствительно подходятъ подъ это условіе,—это св. Александръ Невскій и митрополитъ московскій Іона; остальнымъ же святымъ, канонизованнымъ этимъ соборомъ, нельзя приписывать особенныхъ заслугъ церковныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ. Всѣ они принадлежатъ къ типу русскихъ отшельниковъ-колонизаторовъ, основателей монастырей и въ качествѣ послѣднихъ обыкновенно чтѣлись только въ монастырѣ и окружающей его мѣстности. Въ этомъ отношеніи всѣ эти святые ничѣмъ не отличаются отъ другихъ святыхъ, которымъ тотъ же соборъ установилъ мѣстное празднованіе. Не от-

личался въ послѣднемъ случаѣ, всѣ эти святые, однако, различаются въ другомъ отношеніи. Изъ девяти святыхъ, — поименованныхъ въ спискѣ мѣстныхъ, — только одному, епископу Тверскому Арсенію, былъ до собора написанъ канонъ съ житіемъ; житія же остальныхъ не были еще написаны, но собору, вѣроятно, сообщили, что мѣстное населеніе воздастъ и этимъ святымъ церковное чествованіе, хотя послѣднее и не было еще утверждено мѣстною енархіальною властію; по крайней мѣрѣ, кромѣ епископа Арсенія, это достоверно извѣстно о двухъ другихъ, обозначенныхъ въ спискѣ мѣстныхъ, о Прокопѣ и Іоаннѣ Устюжскихъ. Между тѣмъ какъ о всѣхъ святыхъ, поименованныхъ въ спискѣ 13, можно съ увѣренностію сказать, что большая часть ихъ уже долго мѣстно чтилась церковнымъ образомъ съ разрѣшенія мѣстной енархіальной власти, при чемъ это мѣстное чествованіе нѣкоторыхъ иногда принимало очень широкіе размѣры, по крайней мѣрѣ, это можно сказать о такихъ святыхъ, каковы были: св. Александръ Невскій, митр. Іона, пр. Никонъ Радонежскій, Зосима и Савватій Соловецкіе. Основываясь на этомъ различіи, есть основаніе думать, говорить В. О. Ключевскій, что для послѣднихъ соборъ 1547 года расширилъ чествованіе, сдѣлавъ его изъ мѣстнаго всецерковнымъ, а для первыхъ святыхъ, находящихся въ спискѣ 9, подтвердилъ только фактъ, существовавшей и дѣйствовавшей дотолѣ независимо отъ него ¹⁾. Такимъ образомъ, въ основѣ этого различія между святыми, изъ которыхъ однимъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное, лежитъ, собственно говоря, церковно-административный источникъ. При этомъ, при объясненіи мотивовъ, руководствуясь которыми, отцы собора установили однимъ изъ канонизованныхъ ими святыхъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное не нужно, по нашему мнѣнію, упускать изъ вида опять таки личныхъ отношеній самого митрополита и другихъ членовъ собора къ нѣкоторымъ изъ святыхъ. Такъ напримѣръ, самъ митрополитъ, благодаря своему пребыванію въ Новгородѣ, могъ познакомиться лично съ жизнью, подвигами и чудесами святыхъ Новгорода и вознѣсть сильную вѣру

¹⁾ Ключев., Житія, 226.

къ нимъ. Это подтверждается и тѣмъ, повидяному, незначительнымъ, но въ данномъ случаѣ имѣющимъ нѣкоторое значеніе обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ Новгородскихъ святыхъ, число которыхъ, какъ мы видѣли, доходитъ почти до половины всѣхъ канонизованныхъ на этомъ соборѣ для всеобщаго чествованія, не попалъ въ списокъ девяти мѣстныхъ святыхъ.

Намъ остается, наконецъ, разсмотрѣть послѣдній вопросъ, который естественно возникаетъ, когда говорятъ о канонизаціи святыхъ на соборѣ 1547 года, — это о самомъ ходѣ или процессѣ совершенія ея. Но недостатокъ и отсутствіе подлинныхъ актовъ или дѣяній этого собора чувствуется здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ при рѣшеніи другихъ вопросовъ. Какой былъ ходъ дѣяній его, были ли какія нибудь разсужденія на немъ, были ли представляемы на него житія и списки чудесъ святыхъ, которыхъ этотъ соборъ думалъ канонизовать, читались ли тѣ и другія во время засѣданій самаго собора — всѣ эти вопросы за отсутствіемъ актовъ являются трудно разрѣшимыми. Не имѣя поэтому возможности дать положительные отвѣты на нихъ, мы постараемся сдѣлать нѣкоторыя соображенія болѣе или менѣе вѣроятныя относительно послѣднихъ двухъ. Само собой разумѣется, что полной картины засѣданій собора представить теперь нѣтъ возможности. Мы даже не знаемъ, сколько было самыхъ засѣданій соборныхъ.

Разсмотримъ сперва вопросъ — представлялись ли на соборъ житія святыхъ? Представимъ тѣ данныя, которыя могутъ говорить за и противъ этого вопроса и, затѣмъ, чрезъ сравненіе вѣроятности этихъ данныхъ сдѣлаемъ относительно его свое заключеніе. — Прежде всего мы нигдѣ не находимъ прямыхъ и ясныхъ указаній на то, чтобы на соборѣ 1547 г., подобно слѣдующему собору, были представлены житія и каноны, и чтобы тѣ и другія на немъ „свидѣтельствовались“. Единственное указаніе, которое еще можетъ говорить объ этомъ, мы находимъ въ одной изъ редакцій житія св. Александра Невского, писатель котораго, между прочимъ, говоритъ, что „благочестивый царь Іоаннъ Васильевичъ, поболѣвъ душею о ненаписанныхъ о св. Александрѣ ни отъ когоже, положилъ благъ совѣтъ съ преосв. митрополитомъ Макаріемъ, яко да подвигшися известно

изыскати о святѣхъ и писанію предати, и митрополить Макарій цареву желаніе, паче же Божіе изволеніе, тщася исполнити, созвалъ всеосвященный архіерейскій соборъ, трудолюбно подвигся по священнымъ правиламъ изыскавъ извѣстно обрѣте¹⁾ и проч. Правда, въ приведенныхъ нами словахъ вовсе не говорится о томъ, чтобы на соборъ было представлено житіе св. Александра Невского. Но намъ кажется, что послѣднее необходимо нужно предполагать; ибо въ противномъ случаѣ не почему было бы производить самыя изысканія. Поэтому намъ кажется, что, на основаніи словъ писателя этого житія, дѣло нужно представлять такимъ образомъ: на соборъ митрополитомъ Макаріемъ были представлены житія и каноны тѣхъ святыхъ, которыхъ онъ думалъ канонизовать: собравшіеся архіереи на основаніи этихъ житій и производили свои изысканія о нихъ. Что дѣйствительно таковъ въ общихъ чертахъ долженъ быть ходъ канонизаціи святыхъ на этомъ соборѣ и, въ частности, что дѣйствительно были представлены на послѣдній житія и каноны, объ этомъ можно заключать еще изъ слѣдующаго обстоятельства. Мы уже видѣли, что житія большинства святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, существовали уже задолго до послѣдняго. Если бы на самомъ соборѣ не было изысканія, то можно бы думать навѣрное, что всѣ эти житія послѣ собора вошли бы въ кругъ церковнаго богослуженія для чтенія ихъ во дни празднованія памятей этихъ святыхъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. Такъ, хотя житія святыхъ: Александра Невского, Никона, игумена Сергіевой Лавры, преп. Павла Обнорскаго, митрополита Іоны и Михаила Клопскаго уже издавна существовали въ агіобіографической литературѣ, но однако всѣ онѣ послѣ собора появились въ новыхъ редакціяхъ, составленныхъ по порученію Макарія, — что ясно говоритъ, что всѣ эти житія признаны несоответствующими своей цѣли, т. е., для ихъ церковнаго употребленія. Это же послѣднее обстоятельство можетъ прямо говорить и о томъ, что на соборъ были представлены житія святыхъ, что онѣ тамъ читались и разсматривались, въ противномъ случаѣ трудно будетъ

¹⁾ Ц. И. Макарія, т. 6, 216, примѣч. 288.

объяснить указанный уже нами фактъ, въ силу котораго однѣ житія признаны соответствующими для своей цѣли, а другія нѣтъ и должны быть передѣлываемы. Наконецъ, главнымъ образомъ въ пользу доказываемаго нами положенія можетъ говорить слѣдующее обстоятельство. До Макарьевскихъ соборовъ однимъ изъ необходимыхъ условий для совершенія канонизаціи святыхъ были житія и каноны ихъ. Эта необходимость ихъ, съ одной стороны, обуславливалась тѣмъ, что для канонизаціи того или другого святаго нужны біографическія данныя о немъ, которыя и заключаются въ житіяхъ; съ другой стороны, житія и каноны необходимы были для совершенія праздника, которымъ сопровождается канонизація святаго. Если же это правило встрѣчается въ практикѣ русской церкви до соборовъ 1547 и 1549 годовъ, то, конечно, оно примѣнялось и на этихъ соборахъ тѣмъ болѣе, что необходимость примѣненія этого правила къ совершенію канонизаціи засвидѣтельствовали сами же отцы этого перваго собора; ибо, опредѣляя характеръ и направленіе подготовительныхъ работъ къ слѣдующему собору, они поставляютъ одною изъ главныхъ цѣлей ихъ отысканіе и собраніе житій, каноновъ и чудесъ. Изъ исторіи же слѣдующаго собора мы увидимъ, что эти житія, каноны и чудеса, собранные мѣстными архіереями, представлены были на этотъ соборъ и тамъ свидѣтельствовались. Если же, такимъ образомъ, отцы перваго собора признавали необходимость примѣненія этого условія на второмъ соборѣ, то, очевидно, потому, что сами его примѣняли. Приведенныя нами слова изъ житія св. Александра Невскаго и представленныя нами выше соображенія, какъ нельзя болѣе, подтверждаютъ это наше положеніе.

Установивъ тотъ фактъ, что житія святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, были представлены на него, намъ теперь остается доказать фактъ свидѣльствованія ихъ и опредѣлить характеръ этого свидѣльствованія. Что свидѣльствованіе житій производилось на самомъ соборѣ, объ этомъ прямо и опредѣленно говоритъ извѣстный уже намъ писатель житія св. Александра Невскаго, что „митрополитъ Макарій созвалъ всеосвященный архіерейскій соборъ трудолюбно подвигся по священнымъ правиламъ изысканъ

извѣстно обрѣте“ и проч. Но указывая и констатируя самый фактъ изысканій, писатель однако ничего не говоритъ намъ о томъ, въ чемъ послѣднія состояли. Изъ его словъ можно видѣть только результатъ этихъ изысканій. Ибо писатель, сказавъ, что митрополитъ Макарій „изыскавъ извѣстно обрѣте“, продолжаетъ далѣе: „повелѣ мнѣ убогому написати сіе“. Такимъ образомъ, результатомъ этого соборнаго изысканія явилось порученіе составить новое житіе этого святаго. А это послѣднее обстоятельство даетъ намъ нѣкоторую возможность опредѣлить и самый характеръ этихъ изысканій. Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя житія святыхъ, представленные на соборъ, не были одобрены послѣдними и были передѣланы. Присматриваясь къ житіямъ, которыя были исправлены или передѣланы въ это время, легко замѣтить, что это—или краткія житія первоначальной неразвитой конструкціи, какъ напр., первоначальная редакція житія Михаила Клопскаго, или жизнеописанія, отличающіяся характеромъ простой біографіи историческаго лица, какъ напр., древнее житіе св. Александра Невскаго, или же, наконецъ, краткія, проложныя и сухія житія, каковымъ, напр., было житіе преп. Никона Радонежскаго, написанное Пахоміемъ Логоетомъ. Всѣ житія такого рода были, очевидно, признаны неудовлетворительными, потому что всѣ онѣ появились потомъ въ новыхъ редакціяхъ. Присматриваясь, затѣмъ, къ послѣднимъ, не трудно видѣть и тотъ критерій, которымъ руководились тогда у насъ при этихъ изысканіяхъ житій. Такимъ критеріемъ служилъ господствующій тогда въ нашей агіобіографической литературѣ взглядъ на житіе, какъ на ораторское произведеніе—похвальное слово, украшенное всеми цвѣтами риторскаго краснорѣчія. при чемъ собственно біографіи святаго отводилось очень мало мѣста. Само собою разумѣется, что критерій этотъ касался только внѣшней стороны житія или его формы, не касаясь его содержанія. Отсюда и соборныя изысканія, въ основѣ которыхъ лежалъ этотъ критерій, естественно, не должны были яти далѣе поверхностнаго надзора за установленною формою житій. Послѣднее обстоятельство можетъ указывать частію и на размѣръ этихъ соборныхъ изысканій, который мы должны представлять себѣ въ ограниченномъ видѣ.

Только что выведенному нами заключенію о свидѣтельствovanіи житій святыхъ на соборѣ 1547 года, повидимому, противорѣчитъ то обстоятельство, что житія святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ только мѣстное празднованіе, остались внѣ цензуры послѣдняго. Присматриваясь къ этимъ житіямъ, мы видимъ, что онѣ ни по своему содержанію, ни по своей формѣ не подходятъ подъ стиль житій, который у насъ установился ко времени митрополита Макарія. Всѣ эти житія отличаются бѣдностію фактическаго содержанія и притомъ составлены мало толково и малограмотно. Такъ напр., житіе св. Прокопія Устюжскаго представляетъ собою не болѣе, какъ сборъ, безъ разбора и провѣрки, разныхъ сказаній о св. юродивомъ XIII вѣка, письменныхъ и устныхъ, носившихся въ народѣ въ теченіе столь долгаго времени, сказаній отрывочныхъ, иногда противорѣчивыхъ между собою, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ заимствованій изъ другихъ житій и повѣстей. Подобнымъ же образомъ составлены и житія нѣтерыхъ святыхъ Муромскихъ: житіе св. князя Константина и чадъ его: Михаила и Феодора и житіе св. князя Петра и супруги его Февроніи. Авторъ перваго житія изложилъ въ немъ преимущественно мѣстныя преданія о состояніи Мурома и утвержденіи въ немъ христіанства княземъ Константиномъ въ XII или XIII вѣкахъ, — преданія, конечно, имѣвшія фактическую основу, но въ подробностяхъ неизбѣжно повредившіяся въ продолженіе вѣковъ въ устахъ народа, и потому заключающія въ себѣ разныя историческія несообразности и противорѣчія¹⁾. Еще неудачнѣе составлено житіе второе. Составитель его, какой-то „господинъ смиренный мнихъ Іеразмъ“ собралъ въ своей повѣсти съ удивительною простотою и довѣрчивостію, не столько извѣстія о христіанскихъ или княжескихъ дѣяніяхъ князя, сколько старинныя легенды, съ незапамятныхъ временъ созданныя фантазіей народа, по древнимъ его вѣрованіямъ и преданіямъ, и только мѣстно примѣненные къ благовѣрному князю и его супругѣ²⁾. Очевидно, что эти всѣ житія, если бы онѣ были рассмотрѣны на самомъ со-

¹⁾ Оно напечатано въ Памят. Стар. Р. л. 1, 2: 9, 239.

²⁾ См. это житіе тамъ же 1, 2: — 48; Хр. Чт. 1873 г., 1, 635—36.

боръ, должны были быть исправлены подобно житіямъ св. Александра Невскаго, Никона Радонежскаго и др., какъ неудовлетворяющія принятому стилю житій. Но этого почему-то не случилось, и это обстоятельство даетъ нѣкоторое основаніе думать, что на соборѣ не всѣ житія канонизованныхъ святыхъ были свидѣтельствованы, и именно не были свидѣльствованы житія святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ только мѣстное празднованіе. Съ этимъ выводомъ нельзя и не согласиться, потому что, какъ мы выше говорили, житія большинства этихъ святыхъ не были еще написаны и явились уже послѣ собора. Но здѣсь является другой вопросъ. Мы видѣли, что житія и каноны составляли одно изъ необходимыхъ условій для канонизаціи святаго; чѣмъ, спрашивается, руководились отцы собора въ данномъ случаѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что отцы собора, получивъ свѣдѣнія о мѣстномъ почитаніи этихъ святыхъ, имѣли и біографическія свѣдѣнія о нихъ, заключающіяся или въ различныхъ запискахъ, которыя имѣлись обыкновенно въ монастыряхъ объ ихъ мѣстныхъ святыхъ, или въ первоначальныхъ неразвитыхъ редакціяхъ житій. Изъ этого источника отцы собора и почерпали свѣдѣнія какъ о жизни святаго, такъ и объ его чудесахъ. Но такъ какъ житіе необходимо было еще и для чтенія въ церкви на праздникъ святаго и такъ какъ существовавшія записки не могли удовлетворить этой цѣли, то отцы собора и поручили чрезъ предсѣдателя своего Макарія написать новыя редакціи житій этихъ святыхъ. Составленіе и пересмотръ житій всѣхъ этихъ мѣстныхъ святыхъ, по мнѣнію преосв. Макарія, и былъ предоставленъ самимъ мѣстнымъ церквамъ и обителямъ, гдѣ покоились эти святые ¹⁾.—Итакъ, въ виду всего сказаннаго о свидѣльствованіи житій на соборѣ 1547 года, мы должны притти къ слѣдующему выводу. Хотя объ этомъ свидѣльствованіи житій и не сохранилось ясныхъ и опредѣленныхъ извѣстій, однако нужно думать въ силу указанныхъ основаній, что оно было, при чемъ это свидѣльствованіе имѣло мѣсто только по отношенію къ житіямъ святыхъ, канонизованныхъ для всеобщаго

¹⁾ Хр. Чт. 1873 г, 1, 636.

чествованія; цензура же и просмотръ житій мѣстныхъ святыхъ предоставлена была мѣстнымъ церквамъ и обителямъ, гдѣ покоились эти святые. Но сдѣлавъ возможныя соображенія объ этомъ предметѣ, мы не осмѣливаемся подробнѣе опредѣлять степень этого свидѣтельствванія и самую форму, въ какой последнее производилось, чувствуя недостатокъ вѣрныхъ данныхъ, которыя могли бы самымъ рѣшительнымъ образомъ дать перевѣсъ тому или другому изъ нашихъ предположеній.

В. Васильевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки